

МАЙЯ
ЭЙЛЕР

Не
ВСПОМИНАЙ
меня

Майя Эйлер

Не вспоминай меня

текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70134505

Аннотация

Я вижу тебя в первый раз, не знаю, как тебя зовут. Но позволяю себе мечтать, слыша твой шёпот: «Я вспомню, обязательно всё вспомню, только дай мне второй шанс». Ведь для всех ты – мой бывший муж, и лишь мне известно, что ты чужой мужчина, который потерял память, когда тебя хотели убить.

В книге присутствует нецензурная брать!

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	41
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	64
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Майя Эйлер

Не вспоминай меня

Глава 1

Катя

– Кать, чего встала? Давай, помогай!

Я развернулась и охнула от боли, но сразу же улыбнулась и подхватила корзину за ручку. Так, вдвоём, мы с Шуркой и доволокли её до стола.

– Мужика бы тебе, – мечтательно протянула подруга после того, как мы высыпали картошку и начали её перебирать.

– Да какие в нашей глуши мужики? – засмеялась, откидывая в мусор высохший сморчок с глазком.

Я всегда улыбалась, потому что за улыбкой не видно, как плачет душа. Это Шурке просто – понравился парень, подмигнула, и он у её ног. А я здесь чужачка, живу без году неделю, на меня до сих пор с опаской косятся на работе, а уж тех, кто бы хотел до дома проводить и на огонёк заглянуть, вовсе не было.

Были другие. Те, от кого я бежала, из-за кого спина болела на снег и дождь, а ночные кошмары давно лечились крепким кофе.

Прошное должно оставаться в прошлом, но как объяснить

измученному телу, что это правильно?

– И не говори, – вздохнула Шура. – Помнишь Олежика? Алконавтом оказался, после третьего свидания исчез. Дума-ла, бросил! А он в запой ушёл.

– Вернётся нескоро, – глупо пошутила я.

– Ой, да кому он нужен тогда будет, фу, а не мужик!

Мы перебирали картошку, полную корзину, которую мне нужно было растянуть на последний зимний месяц и весну. Зарабатывала я здесь, в маленькой городке, относительно неплохо, хотя и приходилось иногда впахивать с зари до заката, но все эти деньги лежали, ждали своего часа. Неприкосновенные. Грязные.

Как я.

– Ого, Кать, я домой пойду, а то заблужусь в потёмках в твоём лесу! – бросила взгляд на часы подруга, когда корзина уже почти подошла к концу.

– Точно, – улыбнулась виновато. – Я и не заметила. Давай провожу тебя, а то, правда, заблудишься.

– Да ну тебя! – отмахнулась она.

Мы шутили, но каждый раз я всё равно выводила Шуру к остановке, потому что этот дом спрятался на самой окраине – захочешь, не найдёшь.

Оделась тепло, подхватила телефон, спрятала в карман, чтобы было чем подсветить себе на обратном пути. Шурка уже кому-то названивала, выкраивая себе вечерок поинтереснее, чем садово-огороднические забавы со старой девой.

Я её никогда не винила, понимала, что весёлых посиделок в баре в городке у нас с ней не будет. Не потому, что не хочу, а потому, что могу встретить кого-то, кто меня узнает. Даже здесь, в чёртовой чёрной дыре цивилизации.

– Кать, может, давай с нами? У Ленки событие, ей Славка предложение сделал. А?

Заныло сердце, обливаясь кровью. Смотреть, как кто-то счастлив, поздравлять? Не смогу, не после всего, что было раньше.

И неожиданно эта боль захотела найти выход, вскипела слезами на ресницах, остыла ледяными сосульками, причиняя физическую боль.

– Не могу я. Вот успокоюсь когда, тогда и погуляем.

– Та-ак, подруга, – Шура замерла, разглядывая меня как-то по-новому. – Ты от мужика сюда сбежала? Это что же за говнюк тебе попался, сокровище моё?

– Самый настоящий, – подтвердила её версию. – Вот, годовщина развода у нас, – хмыкнула невесело. – Или свадьбы. Не помню! Забыть хочу!

– Знаешь что? Иди-ка ты домой, а я сама доберусь. А как придёшь, выпей вина, я у тебя две бутылки видела, не отрицай, а потом спать. И завтра всё будет хорошо. Понятно?

И как ей можно было отказать?

В густеющих сумерках дорога казалась сказочной. Живя в городе, я забыла, как прекрасна природа, не видела годами снега, только серость и грязь, погрязла в бессмысленной

суете. Кем я была там? Не тем человеком, неправильной женой, ненужной шестерёнкой в отлаженном механизме. Сама виновата, что так долго закрывала глаза, не желая видеть то, что мог рассмотреть даже слепой.

Я свернула с дороги на неприметную тропку, которую протоптала для себя, чтобы не идти вдоль дороги. Здесь машины ездили редко, но если уж попадались, то летели так, словно к чертям опаздывали. А в зимнем сумраке меня и не увидят вовремя.

Свет фар появился внезапно и замер, когда две машины остановились, прижавшись к обочине. Мне бы стоило уйти, чтобы не стать свидетелем некрасивой сцены, но я замерла, снова, как в тот раз, чувствуя, что должна быть именно здесь.

Интуиция. Шестое чувство.

Провидение.

Оно спасло меня однажды, не зря кричит и сейчас.

– Что случилось? – уставший мужской голос неожиданно приятно согрел кожу.

Я не видела его лицо, но живо представила, как он должен выглядеть. Красивый голос мог принадлежать красивому в своей мужественности мужчине, состоявшемуся, уверенному в себе.

– Колесо спустило. Да ты не переживай, Стас, это быстро, – торопливо произнёс тот, кто вышел из второго авто.

Мужчина в возрасте. Невысокий и суетливый.

Я никогда не умела различать машины, вот и сейчас виде-

ла перед собой два больших чёрных джипа. Наверное, безумно дорогих.

– До шиномонтажа не дотянет? – Стас пошёл вперёд.

– Дотянет. Но он мне и не нужен, – вдруг резко произнёс второй.

– Тогда что остановился?

– Видишь ли, ты мне здесь не нужен. Не хотел я ничего продавать, даже по твоей цене не хотел. Моё это дело, понимаешь? А ты упёрся!

– Вот как запел, значит. И чего хочешь?

– А ничего! Мне другое предложение поступило. Тебя многие хотят убрать, да только руки короткие. А тут ты и без охраны. Думал, самый умный?

– Я и сейчас так думаю.

Он уже почти ушёл, почти сел в машину, как за его спиной возник третий. Откуда он появился? Я не заметила, и Стас тоже. Поэтому и пропустил сильный удар по голове, такой сильный, что свалил с ног, и хорошо, если не убил.

– Босс?

– У меня в машине бутылка водки, открой, залей ему в рот... Да не цеди! И на него остатки! Твою мать, пальто-то дорогое, за бомжа не примут... В кювет его толкай, ночью снег обещают, засыплет, так до весны и не найдут, а там и неважно будет.

Я видела, что мужчина доволен, что потирает руки и восклицает радостно, и не двигалась с места. Кем бы ни был

Стас, но я не желала ему смерти, понимала, что он просто оказался не там. Как и я. Но может это «не то» – и есть наше спасение? Не дам умереть, замёрзнуть в последнем снегу, а он... Он поможет мне уехать ещё дальше?

Но пока всё, что я могла, это смотреть, как мужчины стаскивают бессознательное тело с дороги, присыпают старым снегом пятно крови, заматают следы своего преступления. А ведь им известно, что по этой дороге мало кто ездит, поэтому не торопятся, медленно и аккуратно избавляются от улики, от всего, что может на них указать.

– Всё? Тогда садись в машину, отгони её за город и...

– Может, на пустыре Радищенском бросить? – предложил помощник. – Там подростки тачку разнесут. Я номера сниму и...

– Сам подожди и проследи, чтобы даже намёка на личность хозяина не осталось, понял? Хотя... Стой! В сервис к Гарику отгони, пусть распилит и сдаст на металл. Да, так будет надёжнее. Что встал, давай ходу, исполняй!

Минута – и на дороге уже никого нет. Если бы шла сейчас, то даже не поняла бы, что вон там, за накатанным сугробом, лежит человек.

Сердце колотилось словно бешеное, сорвавшееся с цепи. Я могла думать только о том, что кто-то из мужчин вернётся и заметит меня. Попасть в историю, оказаться впутанной в ещё одно тёмное дело мне не хотелось. Да, я боялась, именно поэтому и пряталась здесь, где всем было плевать на ме-

ня и мою жизнь. Когда-то мне казалось, в маленьких городках люди друг у друга на виду, все знают, что происходит в соседнем доме. Но стоило переехать сюда, я поняла, как была не права. Наверное, если бы я здесь выросла, то знала бы всех этих людей, являлась частью микрокосма, выросла корнями. А сейчас всего лишь шла по краю их забот, знакомая, но не подруга. Или подруга, о которой даже не хочется ничего знать. Не заслужила. Не стала своей.

Я аккуратно перелезла через сугроб, выругалась, потому что эти двое умудрились закидать мужчину снегом, и мне пришлось раскапывать, а потом тянуть наверх неподвижное тело, прикладывая всё больше и больше усилий. За последние полгода я сильно похудела, и теперь с удивлением осознавала, что мне попросту не хватает сил. Работа на складе приучила не думать о здоровье, выполнять, что поручат. Поэтому и сейчас я делала всё, что было в моих силах. И всё-таки когда вытащила его на проезжую часть, поняла, что оттащить его домой не смогу. Всё же Стас крупный, накаченный, высокий мужик, весом, наверное, килограмм сто двадцать. Куда мне против него?

Полезла в карман, нащупала телефон, практически не глядя тыкнула в контакт, один из немногих, который был у меня и пользовался популярностью.

– Шур, – стоило подруге взять трубку, выпалила на одном выдохе, – ты ещё не уехала?

– Нет, эти гады снова расписание поменяли, прикинь?

Час, минимум! У-у-у, барыги!

– Можешь вернуться и мне немного помочь? Я на дороге, метров двадцать от развилки.

– Кать, а до завтра не подождёт? Меня там девчонки уже заждались, – замялась она.

– Я накину на такси, очень надо!

– Тогда щас прибегу, – тут же повеселела Шурка.

Ехать на такси из нашего тупика было, конечно, предпочтительнее. Не нужно ждать старый автобус, в котором наверняка не работает печка, пререкаться с полупьяными парнями, возвращающимися из цехов или спешащими на ночную смену. Да, такси стоит дороже, чем билет на автобус, и мне, если честно, это не по карману. Не сейчас. Но я готова раскошелиться, чтобы точно знать, что Стас будет в порядке. Глупо, я не знаю этого человека, не знаю, какой он в душе – добрый или злой, каких поступков совершил больше, но не хочу, чтобы он замёрз и умер просто потому, что какая-то тварь решила, что так будет лучше.

– Твою мать, Катька, это кто? – Шурка подошла совсем близко, наклонилась над мужчиной и возбуждённо присвистнула: – Какой красавчик! Тут, что ли, нашла?

– Можно и так сказать. Поможешь до дома оттащить, а то я одна с ним не справлюсь.

– Ого, а что это с ним? – заметила она кровь на голове.

– Упал, о камень ударился.

– И где нашёл только, снег же кругом, – покачала головой,

помогла приподнять, просунула своё плечо ему под мышку, повторяя моё движение. – Фу, воняет от него, конечно! Бухой в стельку? Катя, а кто он такой-то? Иначе поверю в запоздавший подарок от Деда Мороза!

– Помнишь, я говорила, что годовщина сегодня? – придумывать что-то новенькое не было сил.

– Ну да... Катюха! Это муженёк твой? А я-то думаю, что ты на наших парней и не смотришь, после такого-то кадра все они пресными покажутся. А чего он припёрся? Горе заливал или праздновал освобождение? – засмеялась она.

– А кто его разберёт? – дёрнула головой, меняя направление нашего движения. – Стас – сложный человек.

Был бы простым, от него не хотели бы избавиться.

– Стас, – протянула Шура. – Отличное у него имя. Суровое.

Я только хмыкнула.

Надо будет потом вернуться и разровнять снег, потому что сейчас к моему дому вели две колеи от ботинок мужчины, которого мы тащили на своих плечах. Не думаю, что те двое вернутся, но на всякий случай надо всё убрать. Перестраховаться.

Катя тоже могла придумывать всякого, но она, уверена, скорее выдумает романтическую составляющую для вечерних событий и, даже если расскажет кому, то только как о возвращении блудного мужа и никак не о покушении на убийство.

– Кабан он у тебя!

– Не у меня, мы расстались, – поправила её.

– Ой, хорош заливать, мужики в таком состоянии просто так к бывшим жёнам не заваливаются. Или бесишь ты его, или любит до сих пор.

– Шур, наша с ним любовь давно завяла, – отмахнулась, пнула дверь, и мы заволокли его внутрь.

Так, в мокрых заснеженных сапогах и дотащили Стаса до спальни, где сбросили на кровать.

– Давай деньги, – выдохнула Шурка, и я пошла в коридор, где лежала моя сумочка.

Достала пятисотку и протянула ей, понимая, что придётся ещё больше урезать свой рацион. Могла бы до работы пешком добираться, то ходила бы, но, увы, с этим я в своё время очень сильно промахнулась.

– Держи.

– Спасибо, подруга! Ну, я побежала, машинку по дороге вызову, а вы не шалите! Слышишь? – подмигнула мне, почти дошла до двери и резко обернулась. – А ты завтра в первую смену?

– Во вторую.

– Блин, думала, с тобой поболтать. Я в первую, – вздохнула Шурка. – Ладно, устраивай мужика, но я тебе завтра всё равно позвоню, поняла? – погрозила пальцем.

Я улыбнулась, подождала немного и пошла за ней. Дома всегда мокрую грязь убрать успею, а вот следы на дороге луч-

ше сразу. И пусть говорят, что ночью снег пойдёт, перебдеть предпочтительнее, чем недобдеть.

Из сарая прихватила тяпку и пошла по дороге, ровняя колею. В принципе, это мне она показалась слишком заметной, а на деле, после пары проехавших машин никто бы и не понял, откуда здесь взялось такое чудо. Так что вернулась домой в приподнятом настроении, замыла полы, вздохнув от боли в спине, когда выливала воду из ведра за домом. Жить в деревенском доме мне не очень нравилось, но ежедневные хлопоты забирали все нервы и чувства, не оставляя места для сомнений. Кем бы я была, если бы не приехала сюда? Да и осталась бы в живых, или меня нашли бы по весне в пригородной лесополосе?

Старенький дом я не покупала, он достался от дяди с маминой стороны. Настолько дальний родственник, что о нём не знал никто. Да что там! Даже я не подозревала, что он у меня есть, пока в последнюю ночь, собирая вещи, не наткнулась на оставшиеся от мамы документы и среди них – дарственную с ключами. В тот момент я благодарила высшие силы за то, что после её смерти так и не смогла открыть папку, и никто не узнал об этом доме.

О месте, которое стало для меня спасением.

Стас лежал на моей кровати в одежде, и я вздохнула, решив, что надо бы снять с него хотя бы пальто и ботинки. Всё равно постельному уже ничем не помочь. Дотронулась до мужчины и услышала тихий стон, вспомнила, что он же

сегодня получил по голове, обругала себя последними словами и пошла в зал, чтобы достать аптечку. По дороге обратно завернула на кухню, намочила полотенце. Оказывать первую помощь мне ещё не приходилось, но вид раны на голове неожиданно успокоил.

Да, содрана кожа, и на волосах застыла грязным комом кровь, но это не так страшно, главное, что живой.

Полотенце пришлось полоскать два раза и снова уносить на улицу воду. Потом на бельевую верёвку перекинуло пальто, от которого душно разило спиртом, и брюки из тонкой шерсти, которые пришлось застирать на свой страх и риск. Ничего, завтра скажет мне спасибо, иначе пойдёт в одних трусах!

Укрыла его одеялом, забрала одну из подушек, вытащила плед из шкафа и упала на диван в зале. Одну ночь перекачтуюсь, а завтра он уйдёт из моей жизни, но, возможно, перед этим скажет спасибо, и я уеду далеко-далеко, туда, где у меня не будет проблем.

Глава 2

Катя

Утром встала с трудом и первым делом проверила своего нечаянного гостя. Он спал, равномерно и глубоко дыша. Наверное, мне бы стоило вызвать врача, но я боялась за безопасность Стаса. Я не видела лиц тех, кто хотел его смерти, может, смогла бы узнать, но пока мы можем обойтись без лишнего риска.

Я снова обработала рану на голове, при свете дня поняв, что всё совсем нестрашно. Небольшая рана, которая почему-то сильно кровила, но уже начала затягиваться корочкой.

– На тебе как на собаке? Да, Стас? – прошептала и, не удержавшись, погладила его по щеке.

Красивый мужчина. Чуть резковатые, но правильные черты лица, пухлые губы, небольшая морщинка в носогубной складке справа, словно он привык над всеми насмеяться. Шрам на левой брови, едва заметный, заросший, наверное, очень старый. Упал в детстве? Интересно, какого цвета у него глаза?

На миг представилось, что голубые. Такие тёмные, почти чёрные волосы и голубые глаза... Смотрелось бы великолепно.

Прозвенел будильник, и я вздохнула, собираясь встать с не своей на эту ночь постели. Нужно приготовить ему зав-

трак и ехать на работу. Жаль, что Стас ещё не проснулся, но, надеюсь, он меня дождётся и не уйдёт из дома в моё отсутствие.

Сварила макароны, поглядывая на часы, заглянула в холодильник и поморщилась. Ни мяса, ни рыбы, тройка сосисок, что мужчине на один зуб. Но отварила и их, слила воду, оставила на печке. Немного подумала и принесла с улицы дров, чтобы, если он вдруг замёрзнет, сам подкинул в топку.

А потом побежала на остановку, понимая, что безбожно опаздываю.

– Логунова!

– Я!

Только успела переодеться в тёплую куртку, как меня поймала завскладом.

– Иди на выдачу, – скривилась она. – Две машины подошли, парни не справляются. Будешь считать места, чтобы лишнего не уволокли, потом накладные подпишешь и в офис принесёшь. Поняла?

– Да.

Эта работа была привычной. Тяжёлой, потому что приходилось таскать коробки и мешки. Двое грузчиков постоянно бегали на перекур, и приходилось отдуваться за них, потому что Алёна Дмитриевна за что-то меня невзлюбила и правдами, и неправдами пыталась лишить то зарплаты, то премии. Мальчишки легко могли перепутать маркировку и загрузить не то, так что я часами стояла на морозе, перепроверя каж-

дый вынесенный со склада ящик. А иногда, матерясь, уносила и приносила верный.

Сегодня день тянулся особенно долго, потому что я переживала за Стаса. Как он там, пришёл в себя или нет? Поел? Или, проснувшись, оделся и покинул дом, даже не думая о благодарности?

Накручивая себя, к концу смены уже не чуяла под собой земли, летела на остановку, чтобы успеть на автобус и вернуться домой. Грузчики смеялись, что-то кричали вслед, но я не слушала, мысленно находясь уже дома.

– Слышали? Говорят, убили вчера в городе помощника Самого!

– Да что ты?

– Ваньку-шкафа? Ох, хороший был парень...

– А дом у Загорских сгорел?

– У них!

– В «Гармонию» мясо парное завезли, я вот купила, дешёвое!

Мясо! Я так и подпрыгнула на месте. Задумалась, замоталась, а в магазин не зашла, нужно было...

Стой, Катя, с чего ты так распереживалась из-за чужого мужчины? Он сегодня есть, завтра нет, даже знать не знает, как тебя зовут, а ты ужины совместные с ним планируешь. Дура! Мало тебе проблем было, так ещё нагребла до кучи.

Разозлилась на себя, выдохнула и больше не слушала, о чём говорят. Спокойно доехала до своей остановки, вышла,

ёжась от вечернего холодка. Солнце уже скрылось за горизонтом, но его последних отблесков должно было хватить, чтобы добежать до дома. Сегодня мне повезло, я успела на рейс пораньше, так что смогу поговорить со Стасом не второпях.

У дома замерла, толкнув калитку, но так и не решившись войти. Свет горел в зале и на кухне, это обнадеживало. Не ушёл, значит, можно будет поговорить и всё обсудить, сказать, чего хочу и о чём думаю.

Я всегда считала себя трусихой. Слабой. Нерешительной. Но сегодня не хотела этого показывать. Моя жизнь! Жизнь стоит любых унижений...

Толкнула дверь, вошла в коридор и замерла, глядя на изящные женские сапожки, смотрящиеся в моём простом доме глупо и несуразно. Когда-то я носила вещи и покрасивее, но это было в той, прошлой жизни, до того как моя лодка не выдержала волн бушующего моря.

И смотря на этот привет из прошлого, вздрогнула, гадая, кого судьба привела ко мне. Неужели за Стасом уже приехали?

Разулась, повесила пуховик на вешалку и пошла на кухню, откуда раздавались голоса. Я не прислушивалась, боясь чего-то своего, ещё не сформировавшегося, но дикого, бьющего в самую глубину сердца.

– Катя! А ты сегодня рано, – на губах Шуры, по-праздничному ярких, застыла вымученная улыбка.

Они сидели за столом. Вдвоём. Чужой мужчина, от которого я буквально чувствовала исходящий холод, напряжённый, следящий за мной взглядом. Неожиданно – в линиялой футболке, которая натягивалась на широких плечах, грозя лопнуть. Он поймал мои глаза и не собирался выпускать из плена, да и я замерла, потому что не ошиблась... Точнее, ошиблась, но так, что хотелось широко улыбнуться.

У него были голубые глаза. Яркие, сочные. Немного настороженные и холодные, но не ледяные. Наверное, будь в них чуть больше жизни, и я могла бы забыться на время.

– Здравствуй, – произнёс он, и снова, как тогда, на дороге, я окунулась в согревающее тепло.

– А мы тут со Стасом выпить решили за знакомство, – торопливо добавила Шура, и я заметила на столе бутылку вина, которую мне подарило начальство к Новому году. – А ты рано так приехала...

– Успела на автобус.

Двусмысленная ситуация, но я не могла его винить. Красивая заводная девушка, а я – никто. Может позволить себе развлечься. Да и Шура не упустила бы возможность проверить на слабину свободного мужчину. Не муж он мне, даже если бы и мог им быть, но я отсекала все вероятности, сказав, что бывший.

– Я не пью, уже говорил, – равнодушно произнёс Стас. – Александра, я бы хотел поговорить с женой наедине.

– Шура, зачем же так официально? Александра! – засме-

ялась подруга, но поднялась из-за стола, бросив на меня ещё один непонятный взгляд. – Но ты не забывай, что я говорила. Катя у нас девушка серьёзная, раз сказала, что ты бывший муж, значит, отпустила уже, – и уже подойдя ко мне, замерла в дверях, одёргивая короткое блестящее платье: – Огонь мужик, ты смотри, если не нужен, я его добыю.

– Иди, Шур, нам с ним на самом деле нужно о многом поговорить.

– Говорите. Пока, Стас!

Она вышла в коридор, и я не стала её провожать, хотя и ждала, когда захлопнется входная дверь. Прислушивалась к шорохам, отсчитывая секунды, боясь начать разговор. Просто он так смотрел на меня... Внимательно, пристально, изучающе, что я забыла обо всём, что хотела ему сказать, о чём потребовать.

– Пока! Завтра на работе поговорим!

Хлопнула дверь.

– Здравствуйте, Стас, – я прошла и села напротив него, заняв место Шуры. Отодвинула в сторону стакан, удивившись, что никто из них не достал из шкафа бокалы.

– Так официально, – вдруг повторил он её слова. – Ты на меня злишься за что-то?

– Злюсь? – удивлённо замерла, качнула головой, отводя в сторону взгляд. – Мне-то за что злиться? Но если хотите... Хочешь... Просто вчера всё так быстро случилось, и я теперь хочу сказать...

– Почему мы развелись?

Замолчала, подняла голову, ошеломлённо решая, что ему говорить.

Развелись? О чём это он, мы никогда не были женаты! Или это насмешка такая, укор за глупые фантазии.

– Мне пришлось так сказать Шуре, иначе бы она не могла дотащить тебя до дома.

– Я сильно напился? – скрипнул Стас зубами.

– Ты? Нет, просто... Ты не помнишь?

Он протянул руку и положил её сверху на мою ладонь, осторожно сжав, словно боясь, что я выдерну, закричу, сделаю что-то, что не понравится ни одному из нас.

А я только и могла, что ждать его ответа, теряясь в догадках, что же происходит с этим мужчиной. Он не слабый, и его не запугать прямыми угрозами, даже не сомневаюсь в этом. В голосе, в манерах, в походке, во всём чувствовалась власть и умение настоять на своём. Так что же происходит за этим столом, почему кажется, что он ждёт моего ответа затаив дыхание, а я тяну, не решаясь нормально заговорить?

– Кать, я не знаю, что натворил вчера, голова раскалывается и... Я не помню. Ничего не помню. Ни тебя, ни себя, ни этого дома. До сегодняшнего утра – чёрная пропасть, которая бесит. Бесит, я знаю! Не помню себя, но знаю, что никогда не чувствовал такой беспомощности! Что ты у меня есть, не подозревал, пока эта Шура не пришла. Я ведь как её увидел, испугался, – хмыкнул Стас. – Не мог я такую женщину

выбрать, не моя она.

– А я – твоя? – вырвалось у меня.

– Моя, – ответил твёрдо, смотря прямо в глаза.

И захотелось в сказку, в придуманную, иллюзорную сказку, где я и сильный мужчина, который готов настоять на своём.

Было уже.

Плавали.

И чем закончилось, вспоминать не хочется, убежать бы теперь.

– Не твоя, – отстранилась, возводя между нами стену. – Не была твоей и не буду!

Нужно всё объяснить, он должен понять, но в голове бьётся страх, что не выйдет. Я его не знаю, так вдруг обвинит меня в чужом преступлении. И что тогда? Мне страшно, страх этот уже под кожей, въелся так глубоко, что дышать трудно, что слёзы в горле, но я держусь. Мне давно нечего терять, кроме жизни, а её я выцарапываю, выбиваю из чужих цепких рук. Тянусь к весеннему солнцу.

До Нового года.

До первого марта.

До Ивана Купалы.

Я не строю планов, я живу от даты к дате, но, главное, живу и могу дышать этим воздухом.

Стас резко поднялся и вышел в коридор, зашуршал там чем-то, а потом вышел из дома, хлопнув дверью так, что по-

качнулось всё моё старенькое жильё.

Глава 3

Стас

В голове стучали поезда.

Тух-тутух, тух-тутух. Стальные колёса по рельсам.

Били в виски, оглушали, топили в сером мареве ещё не закончившегося сна. Я пытался выплыть, помня, что нужно это сделать, иначе случится нечто плохое. Страшное. Неправимое.

И не мог.

– Стас?

Голос. Женский. Чужой. Я точно знал, что чужой, но именно он вывел меня туда, где сквозь закрытые веки светило солнце, где пахло едой и сыростью, а по ногам бродил холод.

Открыл глаза и уставился в дощатый потолок. Тёмный от времени, разохшийся, нелепый и совершенно незнакомый. Он, как и витавшие вокруг запахи, настойчиво твердил, что я сошёл с ума. Я точно знал, что терпеть не могу цветочный запах постельного белья, не ем сосиски и не пью водку, но...

Я лежал в кровати, от которой пахло лавандой, небрежно укрытый одеялом. От меня воняло дешёвым спиртом и лекарствами, а вокруг разливался запах общежития – еды при полном отсутствии кофе.

Я помнил, что люблю кофе.

Но не мог вспомнить своего имени.

Сел на кровати резко, одним движением, и застонал от боли, ворвавшейся в затылок контрольным выстрелом неопытного киллера.

Что, твою мать, здесь происходит?

Завертелись мысли, анализируя обстановку и моё состояние.

Жив, голова разбита, ничего не помню.

Удар или напился до беспамятства? Тогда где я сейчас? Не могу поверить, что унылое жильё с древней обстановкой принадлежит мне, слишком не похоже на меня. Или это я сейчас не похож на себя?

Кое-как встал, поморщился, поняв, что одет по-дурацки: рубашка, трусы и носки. На руке часы, на безымянном пальце широкое золотое кольцо. Женат? Тогда где моя жена, если я в таком состоянии?

Вопросы множились, и от этого сильнее болела голова. Но я нашёл силы, чтобы встать, обойти дом, найти ванную комнату, которая выглядела как декорации к фильму ужасов. Умылся холодной водой, но в себя так и не пришёл, в голове звенела пустота, которую нужно было чем-то заполнять.

Скудная обстановка спальни и зала, на кухне обычная деревянная печь, в которой потрескивают угольки. Прошёл мимо, но потом вернулся, закинул в неё несколько поленьев из лежавшей на полу кучи. Не думаю, что сам буду рад, когда огонь потухнет и в доме станет холодно. Третья комна-

та оказалась запертой, но я не стал её выбивать, дёрнул пару раз ручку и отступил, решив потом найти ключ и узнать, что прячется за ней. Вернулся на кухню и подтянул поближе кастрюли, найдя в них макароны и скукожившиеся сосиски. Аппетита ни то ни другое не вызывало, но чувство голода проснулось вместе со мной, так что выкобениваться не стал. Дают – бери.

Ходить в трусах и рубашке мне не нравилось, поэтому первым делом после скромного завтрака отправился на поиски шкафа с моими вещами. В спальне нашёл только женскую одежду – два летних платья, одно тёплое, парочку свитеров и джинсы. Негусто. Но ничего мужского, хотя пустые полки ещё оставались.

Повезло в зале.

Я едва смог открыть шкаф, от времени дверцу заело, пришлось приложить усилия, чтобы не сломать, но выйти победителем. И почему такое чувство, что вот такое совершать мне ещё не приходилось?

Зато нашёл вещи и переоделся. Пахли они, конечно, так себе, затхлостью и приторно-сладким порошком, но я переборол себя. В конце концов, это намного лучше, чем рубашка, которая вдруг стала душить. А потом вернулся в спальню, где в каждой вещи чувствовалась женская рука. Букет засушенных полевых цветов на подоконнике, брошенный на стул розовый плюшевый халат, полотенца и нижнее бельё...

Захлопнул шкаф и выругался.

Ни одна вещь не стреляет в память, ни одна не кричит, что я помню эту женщину. Должен ведь? Но не помню.

Снова вернулся к шкафу, стараясь не смотреть на то, что мне не предназначено. Если эта комната женщины, то, может, не жены? Вдруг я в гостях у сестры или мамы?

На третьей полке повезло, деревянная шкатулка на простой навесной защёлке попала под руку. Если и она ничего не расскажет, то я сойду с ума от безысходности!

Открыл и замер. Пошёл к кровати и сел на край.

Сверху лежали фотографии, совсем немного, но руки начали дрожать. Улыбающаяся темноволосая девушка в том самом платье из шкафа. Сияющие глаза, разлапистый букет в руках. Эти снимки распечатаны на обычной бумаге, криво отрезаны, немного измяты, словно их пересматривали не один раз.

Одна или с парой в возрасте, наверное, родителями. Словно один день из счастливого прошлого, которое ей не хочется забывать. И я понимаю её, как никто другой, хочу увидеть хоть на одном фото себя рядом с ней, но нет. Только трое, только она. Но зато теперь я знаю, кто укрыл меня ночью, кто вытащил из темноты, кто накормил пусть и простой, но сытной едой. Я не мог быть ей безразличен, хотя её сейчас и не было рядом со мной.

Я не мог вспомнить, какой сегодня день недели, не помнил имени, не помнил, кто я и что позабыл в этом месте. Но счастливые глаза искупали всю убогость обстановки.

Она мне не сестра. Это знание родилось где-то глубоко внутри и опалило безумной радостью. Она обработала рану на голове, прикасалась ко мне, быть может, спала этой ночью рядом?

Я отложил фотографии в сторону, мельком глянул на документы, зацепив взглядом мужское имя на дарственной. Год рождения не совпадал, слишком уж далеко от стоял от моего возраста, поэтому даже не придал ему значения, а вот обе фамилии казались незнакомыми. Удивительно, я помнил, что мне тридцать два. Знал. Будто это было для меня чем-то очень важным, тем, что не стирается как имя. Глупо. Да и женщина в документах была намного старше. Но со всем этим можно будет разобраться потом, если память не вернётся и придётся учиться жить заново, а пока...

Конверт. Небольшой, но набитый деньгами. Крупные купюры. Машинально пересчитываю, удивляясь, откуда здесь такая сумма. Не то чтобы очень большая, но глядя на дом, не скажешь, тут хранятся сбережения.

Немногим больше двухсот тысяч.

«На карманные расходы!» – всплывает в памяти.

Мои слова или мне? Но явно не эти деньги, заботливо спрятанные с глаз подальше.

Я убираю всё на место и возвращаюсь на кровать, понимая, что голова продолжает ныть, а попытки что-то вспомнить заканчиваются чёрным провалом. Кто я такой? Глупец.

Засыпаю и просыпаюсь от стука в дверь. Гулко и гром-

кого.

И женского голоса:

– Стас, ты дома?

Что ж, теперь мне известно, как меня зовут.

Быстро встаю и иду в коридор, странно ожидая, что сейчас увижу её, но замираю, понимая, ярко-накрашенная блондинка чувствует себя в этом доме намного увереннее, знает моё имя и... И слишком призывно улыбается. Инстинкты говорят, что сейчас я – жертва, а охотник заряжает ружьё, кривя алые губы.

– Привет, – здороваюсь настороженно.

– Ох, а Кати дома нет, да? – спрашивает и переступает через свои сапоги, становясь ниже ростом. У неё большая грудь, покачивающаяся в вырезе крикливого платья, худые бёдра и ноги, обтянутые чёрными колготками.

– Катя? – это имя мне ничего не говорит, но вспыхивает надеждой.

– Хотела её застать, но раз уж тут ты, то давай хоть нормально познакомимся, бывший муж моей подруги! – засмеялась, кокетливо убирая в сторону волосы.

– Давай, – иду в кухню, а самого трясёт от ярости.

Я – бывший муж? Бывший?

Неужели счастливые глаза – в прошлом? Поэтому и нет меня на фотографиях, что нет общих воспоминаний, которые следует хранить также бережно?

Где-то на задворках бьётся мысль, что если бы я женился,

на самом деле женился, то только один раз – и на всю жизнь. Словно установка, правило, которому следовал и буду следовать.

Бывший муж... Никак не могу уложить в голове. Не обо мне, просто не обо мне.

– Вот ты вчера набрался, Стас, – смеётся девушка, идёт к шкафу в углу и достаёт оттуда бутылку недорогого вина. – Мы с Катей тебя еле дотащили!

– Я так много пью? – прозвучало слишком резко, но она не обратила на это внимания.

– А вот сейчас и узнаем! – подмигнула, потом нахмурилась. – Вроде бокалы в зале были... Сейчас принесу.

– Я сам.

Мне не хочется пускать чужачку в дом, который начал чувствоваться своим. Включаю свет, мимоходом удивляясь, что уже успело за вечереть. Значит, проснулся я не утром, как думал, а уже на закате и принял его за рассвет? Долго же спал! Нахожу бокалы – чистые, светящиеся, и понимаю, что не хочу, чтобы эта женщина их касалась. Вот не хочу, и всё! Слюнявый придурок, а настроение уже испорчено.

Возвращаюсь на кухню и говорю, равнодушно пожимая плечами:

– Их нет, разбились, наверное, только коробка пустая.

– Ну да, из Катьки так себе хозяйка, – неожиданно бросает гостя и ставит на стол два стакана, достав их из сушилки над мойкой. – Откроешь вино?

Пробка обычная, откручивающаяся, даже не из пробкового дерева или имитации. В нос ударяет запах спирта, и я морщусь.

– Ох, какой запах! – девушка уже сидит за столом, приглашая присоединиться к ней, и я сажусь напротив, разливаю по чуть-чуть в стаканы, но не пробую, смотрю, как она отпивает, улыбаясь мне. – За знакомство! Я Шура, подружка Кати, твоя вчерашняя спасительница. Знаешь, когда Катя говорила, что ей с мужем не повезло, я не думала, что ты окажешься... Таким, – облизнулась она.

– Каким же? – спрашиваю, а самому противно и от её слов, и от всей ситуации.

Подруга? Пришла к Кате, но не застав её дома, решила выпить со мной? Не слишком ли наигранно?

– Александра, – улыбнулся уголком губы, – не стоит...

– Ох, да какая я тебе Александра! Шура, просто, Шура. Я как узнала, что у вас вчера годовщина развода была, так много думала, почему она с тобой рассталась, а потом поняла. Это ведь ты её бросил, да? – она потянулась ко мне через стол. – Скучная и пресная Катька, вечно витает в облаках. На дом посмотри! Зарабатывает, а ремонт сделать не может. А тебе женщина настоящая нужна, с которой есть чем заняться, да? Выпьем?

– Я не пью.

От мысли прикоснуться к этой шалаве стало противно. Подруга за порог, а она к её мужу? И смотрит так... Неужели

у меня могли быть такие женщины? И сам я был не прочь развлечься на стороне, поэтому брак и закончился разводом?

Память молчит, упорно отрицая сам факт моего существования. Может, так и надо было, забыть себя, чтобы понять главное?

Она появляется в дверях неожиданно, замирает, смотрит на нас с такой болью, что мне хочется подойти и обнять. Она – чужая, я отчётливо осознаю, что эта девушка не оставила следа в моей памяти, не отпечаталась там, как и многое другое. Но ловлю зелёные глаза и боюсь отпустить, заново впечатывая их узор в свою душу.

Фото не смогло ничего передать, не отобразило золотых искр и тёмного края, но запомнило лучший момент. Тогда Катя была живой, а сейчас в её глазах нет ничего, и страшно подумать, что я приложил к этому руку.

– Здравствуй, – произношу, не в силах тянуть молчание.

Получается сухо, и пусть я не помню жену, не хочу обидеть её ещё больше своим пренебрежением. Она не знает, что после вчерашнего я забыл о нашем прошлом, поэтому хочу сделать всё, чтобы сгладить впечатление, но не успеваю.

– А мы тут со Стасом выпить решили за знакомство, – Александра торопится оправдать своё нахождение в чужом доме и с чужим мужем. – А ты рано так приехала...

Всё-таки выдаёт себя.

– Успела на автобус, – Катя стоит в дверях, сделала всего

шаг на кухню, а я смотрю на неё и понимаю, что был дураком.

Мне душу наизнанку выворачивает от одного её взгляда! Одного! И после этого мы развелись?

– Я не пью, уже говорил, – холодно отвечаю, понимая, что после вчерашнего Кате может быть неприятно видеть меня нетрезвым. – Александра, я бы хотел поговорить с женой наедине.

– Шура, зачем же так официально? Александра! – не успокаивается подруга моей жены. – Но ты не забывай, что я говорила. Катя у нас девушка серьёзная, раз сказала, что ты бывший муж, значит, отпустила уже, – добавляет вдруг, словно я обсуждал с ней свой брак.

Стерва.

Собирается и уходит, шепнув Кате что-то на прощание, и я смотрю, как меняется девушка. Она словно собирается с силами, чтобы сказать мне о чём-то важном, но я не хочу её слышать, не хочу, чтобы она прогоняла меня, особенно сейчас, когда я ничего о себе не помню. Голос, тот самый голос, который я слышал во сне, отстранённо называет меня на «вы», дистанцируется ещё больше, и я злюсь, а потом, даже неожиданно для себя, извиняюсь за то, чего в моём нынешнем сознании не было, удивляю этим и её, и себя. Не слушаю, что Катя говорит мне, понимая, прошлое возвращать не хочу.

– Почему мы развелись?

Вопрос вырывается внезапно, и я даже не знаю, кого он бьёт сильнее. Она вся сжимается, облизывает сухие губы, стараясь избегать моего взгляда.

– Мне пришлось так сказать Шуре, иначе бы она не могла дотащить тебя до дома.

Всё-таки меня сильнее.

– Я сильно напился?

Чем я вчерашний отличаюсь от сегодняшнего? Я ведь чувствую, что меня направляют принципы, внутреннее чутьё, своя правильность. И алкоголь, который срывает замки, превращая в тупое животное, если перебрать... Не я, это не могу быть я.

– Ты? Нет, просто... Ты не помнишь? – бормочет она, теряясь от моего прикосновения.

Сжалась, замерла, а я всего лишь накрыл холодную ладонь своей и утопил её в страхе.

– Кать, я не знаю, что натворил вчера, голова раскалывается и... Я не помню. Ничего не помню. Ни тебя, ни себя, ни этого дома. До сегодняшнего утра – чёрная пропасть, которая бесит. Бесит, я знаю! Не помню себя, но знаю, что никогда не чувствовал такой беспомощности! Что ты у меня есть, не подозревал, пока эта Шура не пришла. Я ведь как её увидел, испугался, – пытаюсь рассмешить, плету, что на язык попадёт. – Не мог я такую женщину выбрать, не моя она.

– А я – твоя? – вопрос-отчаяние.

– Моя, – отвечаю твёрдо, теряясь в зелёных омутах.

Не помню, но почему-то же я выбрал её, не ткнул же в первую попавшуюся девушку, решив, что она станет моей женой!

– Не твоя, – выдохнула, выбивая из-под меня опору. – Не была твоей и не буду!

Я хотел ответить, но понял, что не могу, не смогу, не сейчас, когда нас разделяет её обида и моя память.

Вышел в коридор, огляделся в поисках своей одежды, но нашёл только бесформенную, драную куртку, психанул, натянул и вышел на улицу.

Холод тут же пробрал до костей, но я закрыл глаза, впитывая его, отпуская напряжение.

До одури хотелось курить, но что-то останавливало. Чувство, что бросил давно, такое яркое и непререкаемое, моё.

Тёмное небо, заснеженный двор, и я стою в одиночестве, не зная, как сказать своей жене, что не хочу ссориться. Плевать, о чём я думал раньше, зачем заливал... Горе? Радость? Катя не кажется мне плохим человеком, она чистая и свежая, уставшая, но искренняя. Вдыхаю морозный воздух, чтобы успокоиться, но злюсь сильнее. Я не привык оправдываться за то, чего нет, в этом уверен твёрдо. Как и в том, что не умею просить прощения. Может, она поэтому ушла от меня? Да, Катя могла разозлиться, встать в позу и бросить несговорчивого мудака. Я вижу это в её взгляде, слышу в каждом слове.

За моей спиной открывается дверь, и я почти слышу, как

она зовёт меня в дом, но... Катя просто проходит мимо, скрываясь за углом. Я слышу скрип снега под её обувью, но не решаюсь идти следом, не хочу, чтобы она злилась ещё сильнее.

Смотрю на небо, вспоминаю себя и злюсь как никогда раньше.

Ошибка. Увидев вновь Катю, понимаю, что до этого не умел злиться.

– Какого? – вскипаю, видя, как она, чуть согнувшись, несёт полную охапку дров.

Подлетаю, пытаюсь забрать, но жена останавливается, зыркнув на меня как на врага народа.

– Что тебе ещё? – устало произносит, перехватывая поленья покрепче.

– Ты дура? Почему не сказала?

– О чём? – искренне удивляется, и я почти ей верю, но злость во мне не собирается молчать.

– Брось дрова, я сам принесу.

– У тебя травма.

– Головы же, а не рук.

– Стас, – вдруг вздыхает Катя и отбрасывает всё прямо в снег, словно устала от наших разговоров, от этой жизни и от меня. – Я не шарилась по твоим карманам, но в брюках никаких документов не было. Может, что-то осталось в пальто, оно висит за домом. Посмотри, пожалуйста. Я хотела как лучше, но тебе, наверное, стоит сходить в больницу, – зами-

рает и твёрдо добавляет: – Не у нас в городе.

– Выгоняешь?

– Это, правда, не твой дом. Да и я тебе не жена.

– Моё мнение тебя не волнует?

– Меня волнует, что ты ничего не помнишь. А когда всё вспомнишь, начнёшь винить меня, и это закончится плохо. Понимаешь?

Понимаю, что она меня боится, что смотрит так, словно ждёт подвоха, удара исподтишка. Твою мать, кем же я был?

– Хорошо, я решу проблему, – разворачиваюсь и бросаю: – Дрова не тронь, принесу.

– Мы не женаты! – кричит мне в спину.

Упрямая.

Но и я не лучше. Вот в чём, чём, а в этом уверен на все сто процентов. На двести. Моя память подводит, но ощущения – нет. Я точно знаю, что привык, чтобы мне подчинялись, и Катя должна это знать.

Пальто висит на бельевой верёвке рядом с дровяным сараем. Я даже не сразу обращаю на него внимания, хотя и пришёл сюда ради этого, мой взгляд прикован к топору, который прислонён к колоде. Вокруг мелкие щепки и несколько поленьев лежат прямо в снегу. В сарае не так уж много дров, я прикидываю, на сколько их хватит, но понимаю, что ни черта в этом не смыслу. Знаю только, что этого слишком мало, чтобы пережить зиму.

О чём вообще думает Катя? Неужели не понимает, что

замёрзнет в этом доме насмерть?

Злюсь, поэтому сдёргиваю пальто слишком резким движением и тут же морщусь от запаха. От него воняет спиртом. Даже время и мороз не избавили меня от этой ошибки.

В карманах я нашёл несколько купюр и смятый чек с заправки, больше ничего.

Негусто, но пара тысяч хотя бы немного компенсируют моё свинство.

Осмотрел пальто и тяжело вздохнул. Разошлось по шву, кровь вряд ли отстирается, да и выглядит слишком вычурно. Мелькнула подлая мысль, что стоит оно больше, чем весь Катин дом. Не хочу думать о том, что оставил жену без средств к существованию.

Пошёл обратно, собрал дрова, вдохнул их смоляной запахом.

Катя сидела на кухне, напряжённо стучала ногтями по столу, раздумывая о чём-то. Стоило мне войти, замерла, следя за каждым моим движением.

– Надо решить, что делать с тобой дальше, – произнесла, смотря, как я подбрасываю в печь дрова, грея руки.

– Я остаюсь здесь.

– Нет!

– Да. Катя, ты моя жена...

– Я уже устала повторять, что мы не женаты!

– ... и я не помню никого, не знаю никого, кроме тебя. Хочешь, чтобы я ушёл, я уйду. В ночь, в неизвестность, без

одежды и денег. Если это то, чего ты хочешь, то скажи. Спорить не буду.

Она смотрела на меня, кусая губы.

Зелёные глаза сейчас решали мою судьбу, и я мечтал, что Катя сжалится. Пусть между нами пропасть, но я сделаю всё, чтобы выстроить чёртов новый мост, завоевать хрупкую женщину, такую слабую на первый взгляд, с разбитым сердцем и железным взглядом. Завоевать ещё раз, не помня, как мне удалось это в первый раз, но точно зная, что теперь отступать не собираюсь.

Она моя.

Была моей и будет снова, пусть пока и верит, что я подчиняюсь её желаниям.

– Это плохая идея, – бормочет Катя и тяжело дышит. – Тебе нужно в больницу, проверить, что они ещё отбили, кроме мозгов! Чёрт с тобой! Оставайся...

Глава 4

Катя

Сюрреализм.

Я могу описать то, что происходит, только этим словом.

Незнакомый мужчина считает себя моим мужем. Услышал бы об этом кто-то из моих старых знакомых, сошёл бы с ума от смеха. А мне не смешно.

Я смотрю на Стаса и гадаю, как скоро он всё вспомнит. И не могу удержаться, чтобы не скатиться в фантазии.

Дом. Муж. Семья.

Когда-то это всё было, а теперь остаётся играть в поддавки с тем, кто не помнит себя, но считает, что имеет право качать права. Глупость и тавтология. Я не хочу с ним ругаться, потому что не знаю его, не знаю, на что он способен. Может, он был не слишком хорошим человеком и избивал женщин?

Я ничего о нём не знаю.

Он ничего не знает о себе.

Я дико хочу расслабиться и почувствовать себя слабой и зависимой, хотя и понимаю, что это не для моей ситуации. Я уже ошибалась, уже становилась не той не для того. А Стас всё вспомнит и оставит у разбитого корыта.

Я перестилаю постель в спальне, думая, что завтра придётся вставать пораньше, чтобы перестирать бельё, заляпанное кровью. И взять пару дополнительных смен, потому

что Стаса нужно чем-то кормить. Шестое чувство кричит о слишком самостоятельном мужчине, который не будет меня слушать. Вряд ли кто-то раньше пытался им управлять.

Я знаю таких, хотя мне и довелось встретить худший из вариантов, от которого спасает лишь одиночество в богом забытой глуши. Тогда была не любовь, но мне казалось иначе, зато теперь я не хочу прятать голову в песок. Мне понадобилось всего полгода, чтобы научиться смотреть вперёд, так может и Стас просто станет для меня ещё одной ступенькой к самостоятельности?

Я выношу ком белья в коридор и бросаю в корзину, слыша за спиной шаги. Он останавливается слишком близко, вторгаясь в моё личное пространство, и мне интересно, чувствует ли Стас то же, что и я. Дикое напряжение, почти вожделие, разгорающееся в крови бенгальскими огнями. Вспышки.

– Ты спишь в зале, – не оборачиваясь, сообщаю ему.

– В доме очень холодно. Ты замёрзнешь одна.

– Не замёрзну, я привыкла спать одна. Диван не очень удобный, но пару дней ты выдержишь. Нужно съездить к врачу, посмотреть голову, объяснить, что ничего не помнишь. Надеюсь, тебя переведут в край и...

– Нет.

– Ладно, – иду на кухню, продолжая рассуждать. – Не хочешь в край, ляжешь в больницу здесь. Но тогда постарайся помалкивать, не хочу, чтобы тебе прилетело ещё раз.

– Я не лягу в больницу.

– У тебя разбита голова! – на самом пороге оборачиваюсь к нему.

– Заживёт.

– Ты идиот?

– Нет, просто не хочу уходить. Ты сама разрешила остаться, помнишь?

Злюсь, что он изворачивает мои слова так, как хочется ему, но и прогнать теперь не могу.

– Помню, иди спать.

Заглядываю в холодильник, достаю практически засохший кусок сыра и злюсь на себя. На столе немного хлеба, этого хватит, чтобы поужинать, но только одному.

– Садись, – по столу ударяет кружка с горячим чаем, и я удивлённо смотрю на Стаса.

– Ты грел чайник?

– Тебе нужно поужинать. Ты обедала? Ужинала? – не отвечает на мой вопрос, только смотрит хмуро.

– Я ничего не купила, торопилась домой, – тоже игнорирую, выставляя на стол всё, что смогла найти в холодильнике. – Сегодня придётся довольствоваться бутербродами, а завтра куплю чего-нибудь нормального.

– Здесь поблизости есть магазин? Я сам схожу, – удивляет меня.

Вспоминаю тех мужчин, которые бросили его умирать, и понимаю, что пока Стасу лучше из дома не выходить, это может быть опасно.

– Лучше не надо, тебе выздороветь нужно, – нарезаю бутерброды. – У меня есть немного продуктов, крупы, макароны, но вот хлеб, молоко, чай нужно купить. Сыр и колбасу...

– Я не хочу, чтобы ты таскала тяжести.

Фыркнула, подумав, что пакет с продуктами тяжестью не назовёшь, это не работа, где коробки приходится ворочать. Но промолчала. Стас мне не муж, он вообще никто, посторонний, через пару дней, может, раньше, всё вспомнит и уйдёт, так что мне не о чем переживать. Главное, не привязаться, не связать себя с этим мужчиной эмоциями, которые мне не нужны. Не хочу снова падать в отчаяние из-за того, кому нет до меня никакого дела.

– Ужинай. Знаю, этого мало. Утром встану и приготовлю что-нибудь простое, до вечера как-нибудь доживёшь.

Стас хмуро на меня посмотрел, но один бутерброд всё-таки взял. Словно одолжение сделал, поморщился, запивая его горячим чаем.

Он молчал, а я рассматривала его, даже не скрывая, словно раздумывала, что с ним делать. И Стас отвечал мне твёрдым взглядом, от которого что-то лопалось в животе, обдавая кипятком низ живота, скручивая спазмами чисто женского желания. Мужик – моя мечта, лучше, чем тот, кому я пыталась вручить сердце, но проиграла. Чёрные глаза теперь снятся в кошмарах, тогда как голубые стали недостижимой мечтой.

Впрочем, почему недостижимой? Вот они, только руку

протяни и дотронься, проведи пальцами по щеке, заросшей, небритой, истинно мужской. Без щегольской бородки, которая всегда бесила.

– Ты словно меня с кем-то сравниваешь, – хмыкнул Стас, одним своим предположением раскрыв мои мысли. – Оцениваешь, насколько я изменился?

– Можно и так сказать, – ответила уклончиво.

Замолчи, не заставляй меня врать тебе ещё больше. Чёртова Шура! Слишком запутала, завертела нас, а я боюсь сказать правду, лишиться призрака мужчины, чужого мужика, которого, может, дома жена ждёт, переживает.

Встаю резко, чуть не разбив кружку, хорошо хоть пустую. Выскочила из-под руки, Стас едва успел поймать, и я злюсь на себя ещё больше. Почему стоило ему появиться, и я снова беспомощна?

Вспомнит всё, и уеду отсюда, продам дядин дом, чтобы ничто не напоминало о прошлом, переверну страницу, начну жизнь с нуля, с белоснежной страницы.

– Ты спишь в зале, – напоминаю ему. – Сейчас постелю.

Дёргаными движениями достаю бельё, расстилаю на диване, чувствуя на плечах мужской взгляд. Он наблюдает, но не вмешивается, даёт возможность успокоиться. Но как, если я знаю, что опять во всём буду виновата. Что обманула, не сказала... Захотела.

– Спокойной ночи, – прохожу мимо него, направляясь в свою комнату.

– Спокойной ночи, Катя.

Ага, только не уверена я, что смогу сегодня заснуть.

Глава 5

Катя

Просыпаюсь от холода, понимая, замёрзла так, что ноги даже под тёплым одеялом ледяные. Наверное, забыла закрыть заслонку на печи, и всё выстудилось за ночь. Вздохнула и открыла глаза, вглядываясь в предрассветные сумерки. Сжаться бы сейчас в комок, разреваться и не думать о том, что через час нужно на работу – ненавистную, тяжёлую, но ставшую привычной. Я ведь никогда не думала, что жизнь повернётся ко мне задницей, придётся начинать всё с нуля. Опять. Только на этот раз мне никто не помогает, никто не поддерживает, не говорит, что я могу всё, что захочу. Не дует на ушибленную коленку, не целовывает слёзы со щёк.

Я выросла. Я сделала свой выбор.

Ошиблась.

Холод всё-таки выгоняет из постели, и я встаю, накидываю на плечи тёплый халат, но выйти на кухню не успеваю, слышу грохот и мужской голос, который зло ругается, не выбирая выражений.

Выскакиваю из дверей и вижу Стаса, который стоит над упавшими дровами.

– Прости, что разбудил, – тут же кается он, скривившись, бросает взгляд вниз. – Ты замёрзла? Печь остыла.

– Да, я, наверное, вчера заслонку не закрыла, – посмот-

рела на трубу и вздохнула, убедившись в правдивости подозрений. – Сама виновата. Сейчас всё сделаю.

– Кать, я в доме мужчина, это моя работа.

– А ты её хоть раз делал? – спрашиваю насмешливо.

Он на мгновение теряется, но упрямо вскидывает подбородок, не желая признавать, что может чего-то не знать или не уметь. Я ещё помню его дорогую одежду и машину, понимаю, что он не тот человек, который колет дрова и таскает воду из колодца. Он сделан из того же теста, что и тот, другой. Но если основа и одна, то вот дальнейшее совершенно иное: выпечка, температура, мастер, который потрудился над крепостью характера, и на выходе – человек, твёрдо стоящий на ногах, не способный ударить женщину.

Стас, ты ведь не ударишь?

Мысли улетели в сторону, и я замешкалась, не попытавшись объяснить ему, что делать. Зато Стас всё прекрасно решил сам, заложил печь, нахмурился, ища, чем поджечь, нашёл кусок коры и вот только после этого вопросительно посмотрел на меня.

– Да, – сдерживая улыбку, кивнула ему, – кору сверни трубочкой и подожги, остальное тяга сделает сама.

– Профессионал? – чуть насмешливо спросил он, и я неожиданно покраснела.

– Пришлось им стать.

От неожиданной боли сильнее вцепилась в плюш халата, развернулась и, держа спину прямо, ушла в комнату. Не по-

казывать слабость посторонним я уже научилась, а Стас всё ещё был им. И останется чужим, что бы он ни говорил. Это настоящая жизнь, а не сказка о принцессах, здесь не будет принца на белом коне, который решит проблемы и увезёт в закат.

Закрыла за собой дверь и едва сумела доковылять до постели, чтобы опуститься на неё, до крови прикусывая губу. Боль от травмы напоминала о себе всегда внезапно. Хотя для её проявления я сама сделала достаточно. Позавчера я тащила на себе Стаса, вчера бегала с тяжёлыми ящиками, вот она и вернулась, чтобы напомнить мне о том, кем я стала.

Красивая, достойная, весёлая – в прошлом.

Разбитая, испуганная, больная – в настоящем.

– Кать, всё в порядке?

Бросила взгляд на часы и выдохнула. Сегодня в первую смену, если не хочу нарваться на штраф, то пора вставать, одеваться, завтракать и выдвигаться.

– Да. На работу собираюсь, мне нельзя опаздывать.

Потихоньку, как калека встала, сбросила на кровать халат и потянулась к вещам, которые приготовила с вечера. Новая привычка, чтобы всегда успеть собраться и сбежать. Полезная.

– Значит, это хорошо, что я тебя разбудил?

Из-за двери я не могла понять интонацию, с которой говорил Стас, было ли в его голосе самодовольство, или он на самом деле переживал за меня.

Господи, Катя, он посторонний мужик, который со дня на день вспомнит, кто он такой и свалит, оставив одну, зачем привязываться и придумывать то, чего нет?

– Слишком рано, но я всё равно встаю раньше будильника, – ответила ему.

Собралась быстро, уже привычно стянула волосы в хвост, распахнула дверь и замерла, потому что Стас стоял рядом с дверью, словно ждал, чтобы убедиться, что я ему не соврала. Это было непривычно, слишком много волнения и заботы в потеплевших голубых глазах.

Неправильно.

– Ничего не вспомнил? – да, вопрос прозвучал грубо.

– Вспомнил, – неожиданно ответил он.

– Да? – вздрогнула, не подумав, что уже всё. – И что же? Уезжаешь?

– Уезжаю? Нет, конечно, остаюсь. Вспомнил, как в тебя влюбился, – Стас усмехнулся и пробежал взглядом по моей фигуре. – И понял, что никогда не переставал любить.

– Не смешно, – сглотнула, осознав, что он поймал меня.

Пошла вперёд, надеясь, что он отодвинется и пропустит, но Стас словно этого и ждал, схватил меня за плечи, развернул и прижал к стене, ударив совсем несильно, но таким нехитрым движением чуть не выбив из меня дух.

– А я и не смеюсь. Кать, давай начнём всё сначала?

О чём он? От боли я ничего не соображала, зажмурилась, стиснула зубы, дыша тяжело, со свистом, молясь, чтобы не

понял, что в это мгновение я совершенно беспомощна.

– Нет, – голос звучал глухо и надломлено, но мне это играло на руку. Пусть думает, что дело в нашем прошлом, а потом проваливает из моего дома навсегда.

– Ты ведь идеальная... Я вижу. Кто из нас ушёл первым? Почему?

– Стас, отпусти, я опаздываю на работу.

Подняла голову и прокляла всё на свете. Его глаза, да, они были подобны урагану в небе, потемневшие от сдерживаемых чувств. Я могла бы поверить в их правдивость, если бы сама не приложила руку к легенде, в которую мужчина поверил с такой лёгкостью.

– Кать, – он прикоснулся к моей щеке, а я отвернулась и наткнулась взглядом на кольцо, сверкнувшее тёмным золотом в свете электрической лампочки.

Обручальное. Стас женат, а я просто временно заняла чужое место. Наверное, где-то там переживает его жена, ищет, волнуется, а он даже не помнит о ней, перенося свои чувства на первый попавшийся объект. И это больно бьёт по сердцу.

– Отпусти, – попросила тихо, надеясь, что он прислушается ко мне. – Отпусти, не удерживай, мне на работу нужно.

– Хорошо, Кать, но когда вернёшься, мы с тобой поговорим, поняла?

Фыркнула, не собираясь с ним сейчас спорить. Конечно, поговорим, я его из дома выгоню, слишком уж много он на себя берёт. Порасспрашиваю потихоньку, не слышно ли о

пропавшем госте города, может, узнаю его фамилию, свяжусь с родственниками и... его женой.

– Поняла, Стас.

Вывернулась из ослабших объятий и выскочила на улицу, вдохнув холодный воздух. Спина горела, но я выпрямилась, привычно «проглотив палку», и пошла к остановке, гадая, не принесёт ли мне сегодняшний день ещё каких-нибудь неприятностей.

В автобусе, на удивление, было свободное место, которое я заняла, стиснув зубы. Сидеть было неудобно, но я отвернулась к окну, зажмурилась и начала размеренно дышать, прогоняя боль. Да, с этим подарком от того, кого считала самым лучшим, уже ничего не сделать, но даже и хорошо, что он со мной. Так я никогда не забуду, к чему приводит слепое доверие. Нельзя отдавать всю себя безвозвратно, нельзя растворяться в другом человеке, нужно помнить, что ты – личность. Какая бы ни была, но личность, одарённая чертами – плохими или хорошими, но присущими лишь тебе. Это не истина в последней инстанции, но то, к чему я пришла своей головой, на опыте собственных ошибок.

– Чё расселась, молодая, место уступи, – больно ткнула меня в плечо настырная бабка.

Я открыла глаза и посмотрела на неё, потом обвела взглядом салон. Передо мной было два свободных места, но пристала она ко мне, значит, просто хотела поскандалить, привязавшись к тому, кто казался безобидным.

Раньше я бы не стала говорить, промолчала, уважая старость, но те добрые годы и добрая я давно остались в прошлом.

– А ты, старая, можешь и постоять, раз силы есть до меня доебаться, – резко ответила ей.

Конечно, не стоило с утра пораньше вляпываться в скандал и портить весь день, но боль и утренняя злость на себя сыграли свою роль. Мне тоже нужно было спустить пар, и ор бешеной бабки, на которую смотрел весь автобус, даже не бесил.

– Шалава подзаборная! Не уважаешь, так вот тебе от меня! Чтоб мужика не было, быдло преступное. Ох, сердце... Вот помру, тебя осудят, как пить дать, осудят! И туда тебе и дорога!

Эпитеты в мою сторону становились всё красочнее, пожелания всё оригинальнее, пассажиры заинтересованнее. Жаль было, что две школьницы стали свидетельницами такого неадекватата, но, судя по всему, ничего нового в её оскорблениях они не услышали.

– Беги, беги, правильно, чуешь вину, вот и бежишь, поджав хвост, – разорялась она, когда я уже выходила из автобуса на своей остановке.

– Ненормальная, – хмыкнул парень, что покинул общественный транспорт вместе со мной. – Но ты круто с ней! Я Артём.

– Катя, – улыбнулась ему, но тут же отвернулась и пошла

к складам, надеясь, что он от меня отстанет.

Возможно, чуть раньше я была бы и не против познакомиться с кем-нибудь, но сейчас все мои мысли занимал Стас. Чужой муж, на которого я не имею никаких прав, но всё время думаю, что было бы «если». Глупые, нереализуемые мысли, которые не несут в себе никакого рационального зерна, но прогнать их нет никакой возможности. Словно вчерашняя школьница я смотрю на мужчину и краснею, думаю о его руках и глазах, примеряю свадебное платье и строю планы, мечтая о несбыточном. Есть у нас, женщин, оставивших иллюзии в прошлом, такая черта, мечтать и верить, что теперь-то всё будет иначе.

Но так не бывает.

Обжѣгшись один раз, второй раз к огню лезть боязно. Но так хочется...

– А ты тоже здесь работаешь, Катя?

Погрузившись в собственные мысли, не поняла, что Артём идёт следом за мной.

– Да, – ответила односложно.

– Круто, – довольно кивнул он, не отставая от меня. Даже больше, начал подстраиваться под мой шаг. – А я тебя раньше не видел. Ты где работаешь?

– На выдаче, – ответила скупно, надеясь, что разговор на этом закончится.

Офисные старались не пересекаться с теми, кто работал непосредственно на складе, считая нас чем-то вроде необра-

зованного быдла, которому только и надо, что на бутылку заработать, но зачастую, перебирая бумажки, зарабатывали намного меньше, чем те, кто крутился на ледяных складах с утра до вечера. Я с ними почти не пересекалась, выслушивая команды от завскладом, которая ненавидела всех и вся, считая себя «белой госпожой», а нас рабами на плантациях.

Так что приставания парня, выглядевшего слишком холёно и правильно для складского работника, воспринимались настороженно.

Я хочу жить спокойно, а такие мужчины пугают меня. Да, внешне он ничего, красивый, улыбчивый, в пусть и не дорогом, но модном пальто, без шапки и с портфелем, словно сошедший со страниц дешёвого любовного романа. Идеальный парень для провинциальной девочки, мечтающей о большой и светлой. Только беда в том, что я давно уже не верю в сказки.

– Ого, не думал, что у вас там такие красавицы, – пристынул и подмигнул мне. – А я из бухгалтерии.

– Надо же, не думала, что там работает кто-то кроме старых жаб, – не поддержала его шуточный тон.

– Такие есть, – не отставал Артём, – но я пытаюсь это исправить. И у меня даже немного получается. На днях одна из жаб стала прекрасной принцессой.

– Сам поцеловал?

– Увы, – развёл он руками, – эта честь выпала другому. Зато теперь есть свободное местечко. Хочешь, замолвлю за

тебя словечко? – остановился прямо передо мной, пришлось затормозить, чтобы не врезаться в него.

– Вот так первой встречной предлагать работу? – посмотрела Артёму в глаза. – А, может, я совсем ничего не умею?

– Я хорошо разбираюсь в людях, – самоуверенно заявил парень. – Но если не хочешь, то я приглашаю тебя вечером на чашечку кофе.

– Спасибо, но не интересуется, – попыталась его обойти.

– Катя, я упрямый.

– Я тоже.

Свернула в сторону и выдохнула, когда осознала, что за мной Артём не пошёл, направился на своё рабочее место. Напрягает. И так день начался не лучшим образом, а ещё и этот добавил нервов. Интересно, мне удастся сегодня просто отсидеться где-нибудь в уголке, или Алёна Дмитриевна поймает и заставит работать в полную силу?

Глава 6

Стас

Стоило подумать о прошлом, и тут же начала болеть голова. Печь уютно потрескивала, и я поймал себя на мысли, что мне это нравится. Не сам дом, не идиотская ситуация, а тишина. Словно в том прошлом, которое я не помню, не было таких минут. Интуитивно ощущалось, что вся моя жизнь раньше напоминала без хомьяка в колесе, и хорошо, если я двигался вперёд, не оставался на месте.

Хотя...

Кольцо на пальце давило, оно было мне совсем немного мало, и это ставило в тупик. Я не выглядел как человек, который поправился, скорее всего, таким был всегда. Да и не могли мы с Катей быть женаты много лет, она же совсем юная, пусть и старается казаться старше. Сколько ей? Лет двадцать пять? В её комнате были документы, но я не собирался больше лезть в них, искать зацепки. Хотел сам вспомнить нашу жизнь.

Жизнь «до».

Но нужна ли она нам?

Отстранённо просчитывал варианты, как завоевать собственную жену, отбрасывая ненавистное «бывшая». Это не про нас. А если Катя станет сопротивляться, просто возьму её в охапку и затащу в постель, там она точно вспомнит, что

нам было хорошо. Почему-то при мысли о постели становилось удушающе жарко, а член тут же восставал, чтобы показать, что он всегда готов к примирению, словно у меня давно не было женщины. А если и так, то значит ли это, что даже после развода я хранил верность жене?

Странно, мне кажется, что в сексе для меня не было запретов, но Катя не похожа на ту, которой плевать сколько и с кем. Я так и вижу её скромной девственницей, смущающейся от поцелуев, готовой разделить жизнь с одним-единственным мужчиной.

Голова снова разболелась, и я, накинув драную куртку, вышел на улицу.

Занесённый снегом двор выглядел так, будто здесь никто не жил. Лишь две узкие тропинки могли выдать наличие жильцов. При мысли, что Катя сбежала в эту глушь от меня, стало противно. Думаешь, что всё замечательно, но вылезет какая-нибудь зараза, отравит душу, и начнёшь жрать сам себя, не веря, что можешь быть монстром.

Но почему-то же мы разбежались?

Вдохнул стылый воздух, стараясь успокоиться.

Катя ушла на работу, но мне это бесило. Моя женщина не должна работать, уж чем, а деньгами я её могу обеспечить! Неужели такая простая вещь мне не под силу? Я должен был работать, иначе, откуда у меня такая дорогая одежда? Возможно, где-нибудь брошена машина, лежит портмоне с деньгами. Только где? Пока не вспомню, могу рассчи-

тывать только на физическую силу.

Чёрт, нужно устраиваться на работу, сидеть на шее у Кати я не собираюсь, она и так делает много для того, когда уже привыкла считать посторонним. Ну, возможно, не полностью, утром в её глазах плескалась боль, от которой и мне было дурно, но не попробовать наладить отношения я не мог.

Вернулся в дом, захватив ещё охапку дров, чтобы подкинуть в печь, когда огонь начнёт успокаиваться. Сегодня в доме было намного теплее, чем вчера, но оно и понятно. Если Катя целыми днями пропадает на работе, то некому следить за домом, и я тут могу принести хоть какую-то пользу. С другой стороны, дрова так летят намного быстрее, скоро придётся покупать новые, а я понятия не имею, располагает ли Катя лишними средствами. Да, я помню о спрятанном в шкафу конверте, но почему-то уверен, что она собирает деньги на что-то важное, и это приводит меня в ярость, которую трудно сдерживать.

Я хочу помочь своей женщине, но не знаю – как!

Время на часах неумолимо бежало вперёд, я не заметил, как приготовил простой обед. Сварил макароны, сделал заправку из овощей. Руки выполняли привычные действия, голова не болела, но странное ощущение, что я давно таким не занимался, не хотело отпускать. Вся эта иллюзия прошлого сопровождала каждое моё действие, злила до одури. Я будто знал всё и не знал ничего, понимал, что за тёмным маревом,

скрывавшим от меня собственную память, скрывается много интересного.

А Кати всё не было.

Вчера она пришла поздно, но и на работу ушла позже, чем сегодня. Я нервничал, переживал, не случилось ли чего, а она всё не шла. Наконец, у меня не выдержали нервы, и я, одевшись, вышел во двор, подошёл к покосившейся калитке, оглядел её с неудовольствием, открыл и вышел за пределы единственного места, которое было в памяти.

Дорога к дому была занесена снегом, оставалась лишь небольшая тропинка, по ней я и пошёл, не гадая, куда направляюсь. Всё равно выбора не было. В какой-то момент появилась развилка, и одна тропинка – пошире – вывела к нормальной, укатанной автомобилями дороге. Решив, что именно здесь и будет идти Катя, остановился, раздумывая в какую сторону направиться. Ни малейшей идеи, ни одной подсказки! Плюнул и свернул направо, справедливо решив, что если не прав, то развернусь и пойду обратно.

Тревога не отпустила.

Я буквально за первым поворотом я понял, что был прав.

Она сидела прямо на куче снега, на обочине, привалившись боком к стволу дерева, и не шевелилась.

– Катя!

Она не отозвалась, даже не открыла глаза, когда я подбежал к ней, со злостью думая, что больше не отпущу её никуда.

– Катя? – прикоснулся пальцами к холодной щеке, стирая замёрзшую ледяную дорожку.

– Ты мне мерещишься, – едва шевеля губами, ответила она, но глаза не открыла.

– Нет, я здесь, – присел перед ней на корточки, осматривая, но не видя никаких повреждений. – Что случилось? Идти можешь? На тебя напали?

– Вопросы...

– Что такое?

– Слишком много вопросов, – улыбнулась она, и тут же сморщилась. – Больно...

– Что болит? – всё ушло за задний план, стоило услышать, что Кате плохо.

– Спина...

– Почему болит? Ударилась? – прикидывая, как доставить её домой, пока она тут окончательно не окоченела от холода.

– Давно. Старая... травма. Я дни последние добавили, – засмеялась и тут же застонала.

– Так, мне это не нравится, – просунул руку ей под ноги, вторую положил под спину, и пока она не возмутилась, поднял её, собираясь отнести домой.

– А-а-а! – закричала Катя и вытянулась, напряглась, зазвенела словно струна.

– Что такое?

Замер, прижимая её к себе, но боясь пошевелиться. Не знаю, было ли раньше со мной такое, но казалось, что такой

страх я испытываю впервые. Страх причинить боль и обидеть.

– Больно, – вдруг заплакала Катя, сжимаясь в моих руках. – Мне так больно...

Видеть её слёзы из-под стиснутых ресниц, сжатые зубы, напряжённые руки – страшно. Я осторожно, стараясь не тревожить её, развернулся и направился к дому, гадая, приедет ли скорая, если вызвать её в наш угол. Почему-то думалось, что нет. Да и нет у меня уверенности, что Катя одобрит скорую, раз попёрлась на работу в таком состоянии и ничего мне не сказала. Хотелось отшлёпать вредную девчонку за то, что рисковала своим здоровьем, молчала, но потом, когда придёт в себя.

Пару раз поскользнулся на накатанном снегу, но свою драгоценную ношу удержал. Катя поскуливала, плакала, но больше не кричала, и от этого молчания становилось дурно. Твою мать, как же хотелось вспомнить всё, понять, что делать, а не тупо доверять интуиции, стараясь не тревожить Катю болью.

Калитку и дверь в дом открыл не иначе как чудом, не разуваясь, прошёл в спальню, и уже там опустил Катю на кровать, стараясь действовать бережно и осторожно. Но видно, не смог, потому что она вновь вскрикнула, стиснула зубы и вытянулась как солдатик, смотря в потолок пустым взглядом. Чёрт, видеть бледное лицо с красными пятнами на щеках, искусанные в кровь губы, пальцы, судорожно сжимаю-

щие покрывало... Нет, не таким я видел наши дальнейшие взаимоотношения.

– Мне вызвать скорую?

– Нет, – прохрипела Катя. – Там, в шкафу, пакет с лекарствами. На второй полке. Ты его сразу увидишь.

Она оказалась права. Небольшой чёрный пакет с таблетками и мазями, который я тут же притащил к её кровати.

– Что именно?

Она назвала препараты, количество, и я, действуя быстро и сосредоточенно, отсчитал нужное, принёс с кухни стакан воды, помог ей приподняться и выпить всё.

– Тебе точно станет легче? – спросил осторожно.

– Ещё нужно спину помазать, – Катя вдруг покраснела. – Но это я могу и сама. Только разденусь...

– Успокойся, я всё сделаю, – оборвал её.

Смотреть, как она мучится, я не собирался. Всё равно уже решил, что накажу её, как только она встанет на ноги. И буду это делать до тех пор, как она не запросит пощады.

Но потом. Сейчас главное – это Катино здоровье.

– Ты? – пискнула она, и стала похожа на ту девчонку, которую я представлял утром.

Почти невинная и дохрена соблазнительная даже с заплаканными глазами. Со своими колдовскими зелёными глазами.

Глава 7

Катя

Я сошла с ума. Определённо. Это всё происходит не со мной. Точно.

Я замёрзла в том сугробе и теперь ловлю глюки, потому что не может Стас себя так вести. Бережно, заботливо, твёрдо и уверенно. Мужчина, который чуть ли не кормит с рук, подносит ко рту стакан, когда нет сил поднять голову, это что-то из разряда фантастики. Даже Саше было плевать, когда я болела, а ведь он говорил, что любит меня больше жизни. А здесь посторонний мужчина, который, правда, считает себя моим мужем...

– Мне придётся раздеться, – сказал ему, не веря, что Стас собирается мне помогать.

Нет, понятно, что он – мужик, не против посмотреть на обнажённое женское тело, но сейчас мне ни в коем разе не до секса, я помереть хочу от одуряющей боли. И всё же...

– Я же сказал, что помогу. Кать, тебе хреново, ты, ко всему прочему, в том сугробе ещё и застудить себе что-то могла, так что давай без тупой самостоятельности, окей?

– Хорошо.

Ему-то хорошо, а я, кажется, попала в параллельную реальность и перестала соображать.

Стас осторожно, постоянно останавливаясь, начал мне

помогать. Сперва медленно расстегнул куртку, помог мне сесть, вглядываясь в моё лицо, отслеживая малейшие изменения мимики, чтобы не упустить момент, когда мне станет больно. Стянул один рукав, второй, скинул куртку и отбросил её прямо на пол, взялся за свитер, аккуратно подтягивая его вверх.

– Тебе придётся поднять руки, – извиняясь, произнёс он.

– Всё хорошо, это не больно, – чуть слукавила я.

Больно не было, но напряжение мышц разлилось по телу неприятной слабостью, от которой хотелось плакать. Всё понимаю, осознаю, что сама виновата в своих проблемах, головой нужно было думать. И тогда, когда выбирала Сашу, и теперь, вляпавшись в историю со Стасом. Хотя в нынешнем моём положении думать не о чем, боль просто разливается по телу, лишает возможности мыслить адекватно. Я не девочка, но так хочется вернуться, чтобы почувствовать себя беззащитной в объятиях сильного мужчины.

Свитер отлетел в сторону, Стас нахмурился, разглядывая много повидавшую майку, растянутую и выцветшую от времени. Ну, я не собиралась его соблазнять, так что постаралась не показывать своего смущения. Мне плохо, и Стас должен это понимать.

– Что? – выдохнула, отводя взгляд.

– Тебе дорога эта майка?

– Майка? – не сразу осознала его вопрос. – Нет, она старая... А что?

– Тогда не буду просить прощения.

– За что?

Отреагировать всё равно бы не успела. Треск ветхой ткани, и моя майка превратилась в клочья, опавшие осенними листьями на пол. Да, Стас решил вопрос кардинально, не стал заморачиваться, боясь причинить мне боль.

– Бельё не надо, – пискнула неуверенно, прикрылась руками.

Стас смотрел на меня так... непривычно. Голодно. Пугающе. Мужчина уже сделал для меня много, но я боялась, ведь мы с ним здесь наедине, меня никто не защитит, не спасёт, реши он проявить свою силу. Но что-то во мне дрожит от предвкушения, верит, что Стас никогда не пойдёт против моего желания. А уж в том, что оно у меня не возникнет – я начинаю сомневаться.

– Осторожно ложись на живот, я вотру мазь. Постараюсь быть нежным.

Не краснеть ещё больше!

Очень медленно вытянулась на постели, подложив руки под голову. В ожидании первого прикосновения даже позабыла, из-за чего оказалась здесь, почему не готовлю ужин, а валяюсь в кровати. Замерла в нетерпении, не осознавая этого.

Лёгкое поглаживание словно удар тока пронеслось по телу, вызвав у меня стон. Стас подумал, что это от боли, и я не стала ему говорить о том, чего сама не ожидала. Это бы-

ло чистое, ничем не замутнённое удовольствие, горячим потоком влившееся в кровь. Последним мужчиной, единственным мужчиной, кто прикасался ко мне, был Саша, и даже его ласки не действовали на меня так, как невинное касание почти незнакомца.

– Я буду осторожен.

Второе прикосновение чуть грубой мужской ладони, и я с трудом сдержала очередной стон.

Его руки скользили по коже, и это было совсем не больно. Вовсе нет. И стоны, которые так тревожили Стаса, были не от боли. Боже мой, я знаю этого мужчину сутки, да и не знаю, в общем-то, скорее придумала себе благородный образ, что успешно поддерживается действиями Стаса. Я могу сколько угодно убеждать себя, что не млею под его руками, рассыпаясь горячими углями, что он не беспокоит меня как мужчина, как новая ошибка, ловушка, в которую я ступаю, понимая, что творю. Осознаю, понимаю – и всё равно смело падаю в пропасть.

– Тебе точно не больно? – встревоженный голос мужчины врывается в сумбур мыслей, и я закусываю одеяло, только чтобы не признаться ему в собственной распущенности. – Катя? Может, скорую?

– Нет, – не будет толка, только привлеку лишнее внимание.

Всё как у него.

– Что случилось? Я не вижу ни синяков, ни поврежде-

ний, – размышляя вслух, Стас продолжает довольно умело разминать окаменевшие мышцы. Нет, боль не уходит, но затихает, отпуская меня. – Правда, вот тут у тебя шрамик, – ласковое движение пальца вдоль позвоночника, и я словно кошка готова выгнуть спину, напрашиваясь на ласку. – Травма?

– Да, старая, – голос не слушается.

– Врёшь ведь, – ловит меня, наклоняется и говорит почти на ухо. – Шрам-то зажил, но выглядит свежим. Уж я-то знаю.

Хочется спросить, вспомнил ли он себя, но страх не даёт. Страх не разоблачения, совсем нет. Страх потерять его, случайного свидетеля моей слабости. Единственного помощника. Первого мужчину, которого я подпустила к себе после Саши.

– Это в прошлом. Не хочу вспоминать.

– Я виноват?

Вопрос-выстрел.

Не он. Другой. И надо ответить не солгав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.